

Нармина Назим кызы ГУСЕЙНОВА,

orcid.org/0000-0003-2403-5702

диссертант отдела теории литературы
Института литературы имени Низами Гянджеви
Национальной академии наук Азербайджана
(Баку, Азербайджан) *huseynova.1983@inbox.ru*

ОБРАЗЫ «МАЛЕНЬКОГО» ЧЕЛОВЕКА И «ЛИШНЕГО» ЧЕЛОВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Образы «маленьких» и «лишних» людей входят в число основных типажей художественной литературы. Истоки, формирующие характер «лишнего человека», связаны с социальной средой и его психологическим состоянием, и данность эта не ограничивается какими-либо пространственными (географическими) границами, его сфера существования разрастается до бесконечности. Во многих чертах они схожи, но есть особенности, которые отличают их друг от друга. Характерные черты, присущие этим образам, в исследованиях иногда трактуются не совсем правильно.

В статье обобщены основные стереотипы поведения людей, входящих в вышеуказанные условные группы, и проведен сравнительный анализ образов, созданных отдельными художниками слова. Особую роль в процессе становления этих образов в литературной среде сыграла русская литература XIX века.

Считается, что «вне всякого сомнения, «лишний человек» по своим интеллектуальным возможностям значительно превосходит человека «маленького». Однако он напоминает «ничто», полностью исчерпавшее себя, достигшее края, подвергшееся чему-то невосстановимому. Его можно назвать «вчерашним днем» без всяких надежд, без веры в завтрашний день, к тому же лишеного будущего. Было бы наивно ожидать от него чего-то позитивного. Рассмотрение отличительных черт этих образов помогает определению сути характера и идейного содержания их в азербайджанской литературе.

Образы «маленького» и «лишнего» человека были наиболее характерны и для азербайджанской литературы начала XX века, когда метод критического реализма еще только формировался. Впрочем героев, схожих с ними, можно найти в образах азербайджанской литературы, относящихся и к другим эпохам. Но общие черты, характерные для этих героев, в большей части сформировались к началу XX столетия. Это подтверждается соответствующими исследованиями и рядом произведений. Однако именно русская литература XIX века внесла неоценимый вклад в создание образов «маленького» и «лишнего» человека и в целом в развитие критического реализма.

Ключевые слова: русская литература, азербайджанская литература, А.С. Пушкин, Дж. Мамедкулизаде, критический реализм, «лишний» человек, «маленький» человек.

Нарміна Назім ГУСЕЙНОВА,

orcid.org/0000-0003-2403-5702

диссертант відділу теорії літератури
Інституту літератури імені Нізамі Гянджеві
Національної академії наук Азербайджану
(Баку, Азербайджан) *huseynova.1983@inbox.ru*

ОБРАЗЫ «МАЛЕНЬКОЙ» ЛЮДИНЫ И «ЗАЙВОЙ» ЛЮДИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX СТОЛЕТЬЯ

Образы «маленьких» и «зайвих» людей входят в число основных типажей художественной литературы. Истоки, формирующие характер «зайвой женщины», связаны с социальной средой и ее психологическим состоянием, и данность эта не ограничивается какими-либо пространственными (географическими) границами, ее сфера существования разрастается до бесконечности. У многих рисах они схожи, но есть особенности, которые отличают их друг от друга. Характерные черты, присущие этим образам, в исследованиях иногда трактуются не совсем правильно.

У статті узагальнено основні стереотипи поведінки людей, які входять до вказаних вище умовних груп, і проведено порівняльний аналіз образів, створених окремими митцями слова. Особливу роль у процесі становлення цих образів в літературному середовищі відіграла російська література XIX століття.

Вважається, що «зайва людина» за своїми інтелектуальними можливостями значно перевершує людину «маленьку». Однак вона нагадує «ніщо», яка повністю вичерпала себе, досягла краю, піддалася чомусь невідомому. Її можна назвати «вчорашнім днем» без будь-яких надій, без віри в завтрашній день, до того ж позбавлену майбутнього. Було б наївно очікувати від неї чогось позитивного. Розгляд особливостей цих образів допомагає визначенню суті характеру і ідейного змісту їх в азербайджанській літературі.

Образи «маленької» і «зайвої» людини були найбільш характерні і для азербайджанської літератури початку ХХ століття, коли метод критичного реалізму ще тільки формувався. Втім героїв, схожих із ними, можна знайти в зразках азербайджанської літератури, які належать і до інших епох. Але загальні риси, характерні для цих героїв, здебільшого сформувалися до початку ХХ століття. Це підтверджується відповідними дослідженнями і творами. Саме російська література ХІХ століття внесла неоціненний вклад у створення образів «маленької» і «зайвої» людини, в розвиток критичного реалізму загалом.

Ключові слова: російська література, азербайджанська література, А.С. Пушкін, Дж. Мамедкулізаде, критичний реалізм, «зайва» людина, «маленька» людина.

Narmina Nazim HUSEYNOVA,

orcid.org/0000-0003-2403-5702

Dissertation at the Department of Literature Theory

Nizami Ganjavi Literature Institute of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

(Baku, Azerbaijan) huseynova.1983@inbox.ru

IMAGES OF “LITTLE” AND “EXTRA” HUMAN IN THE LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Images of “little” and “extra” people are among the main types of fiction. Since the sources that shape the character of the “extra person” are connected with the social environment and its psychological state, and this reality is not limited to any spatial (geographical) boundaries, its sphere of existence grows to infinity. In many ways, they are similar, but there are features that distinguish them from each other.

The characteristic features inherent in these images are sometimes not fully interpreted in studies. The article summarizes the main stereotypes of the behavior of people included in the above conditional groups and a comparative analysis of the images created by individual word artists. A special role in the formation of these images in the literary environment was played by Russian literature of the 19th century. It is believed that without a doubt, the “extra” person in its intellectual capabilities is significantly superior to the person “small”.

However, it resembles “nothing,” which has completely exhausted itself, has reached the edge, has undergone something unrecoverable. It can be called “yesterday” – without any hope, without faith in tomorrow, moreover, devoid of the future. It would be naive to expect something positive from him. Consideration of the distinctive features of these images helps to determine the essence of the nature and ideological content of them in Azerbaijani literature. The images of the “small” and “superfluous” people were most characteristic of Azerbaijani literature at the beginning of the twentieth century, when the method of critical realism was just being formed.

However, heroes similar to them can be found in samples of Azerbaijani literature relating to other eras. But the common features characteristic of these heroes, for the most part, were formed by the beginning of the twentieth century. This is confirmed by relevant studies, and a number of works. However, it was Russian literature of the 19th century that made an invaluable contribution to the creation of images of a “small” and “superfluous” person and in general, to the development of critical realism.

Key words: Russian literature, Azerbaijani literature, A.S. Pushkin, J. Mamedkulizade, critical realism, “extra” person, “small” person.

Постановка проблеми. Образы, которые являются героями художественной литературы, есть типажими. «Лишний человек» со своими сформировавшимися характеристиками также занимает определенное место в системе литературных типажей. На первый взгляд, определение это носит некий иронический оттенок ввиду того, что называть кого-то «лишним человеком» не совсем корректно. Однако в любом элементе, исходящим от литературы, искусства слова, заложена функциональная смысловая нагрузка. С этой точки зрения словосочетание «лишний человек» можно считать удачной находкой, являющейся результатом внимательного наблюдения писателей за реалиями жизни. В художественном творчестве типажии обычно выступают в качестве носителей специфических

черт людей, составляющих определенную социальную категорию.

Таким образом, «лишний человек» является одним из литературных типажей. Его характерные особенности формулируют таким образом: «это литературный тип, характерный для русской литературы 20-х – 50-х гг. ХІХ века. Главные черты: отчуждение от официальной жизни России, от родной ему социальной среды (обычно дворянской), по отношению к которой герой осознает свое интеллектуальное и нравственное превосходство, и в то же время у него душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом и общественная пассивность» (Краткая литературная энциклопедия: 400).

Описанные характерные черты «лишнего человека» проистекают от невозможности нахождения

общего языка с обществом и преградами, которое оно ставит перед его добрыми начинаниями. С другой стороны, общество как бы культивирует отрицательные, вредные (по отношению к самому себе и обществу) качества этого человека. То есть «талантливый человек», лишенный поддержки среды, направляет свою энергию на самоутверждение, предпринимая порой крайние шаги, или же предаётся утехам, морально опускаясь, становясь жертвой приводящих обстоятельств. «Не находя реализации своим талантам в высших кругах, герой проводит жизнь в праздных увлечениях или пытается преодолеть скуку дуэлями, любовными интригами, азартными играми, авантюрными приключениями, участием в военных действиях и так далее» (Никольский, 2017: 67).

Об образе «лишнего человека». Среда может оказывать свое отрицательное влияние на психологию «лишнего человека» в двух направлениях. Если в определенной ситуации она подвергает давлению сознание человека, создавая для него непреодолимые препятствия, то в ряде других случаев возникают психологические синдромы, связанные с перенасыщенностью житейскими благами. Эти люди в большей степени представляют интерес для литературы и искусства, нежели для общества. «Лишний человек», лишившись возможности стать героем в общественной жизни, превращается в один из типов героя, облюбованных литературой.

Здесь «общение» между писателем и «лишним человеком» происходит в весьма удобной форме. Автор, предлагая его образ обществу, тем самым демонстрирует бездушие и никчемность этого самого общества. Тем самым раскрывается внутренний мир и самого писателя, где ощущаются некие «родственные чувства» между ним и «лишним человеком». Возникает ощущение, что писатель в некоторых случаях относит и себя к «лишним людям» или же живет в перманентной тревоге, чтобы избежать участи стать «лишним». Он раскрывает психологию этого человека в отдельных моментах, стараясь защитить и себя, и читателя от подобной угрожающей «опасности».

Существует также нечто очень близкое, параллельное образу «лишнего человека» – типаж под названием «маленький человек». Его сходство с «лишним человеком» обнаруживается в недостаточной реализации собственных возможностей. Однако «маленький человек», в отличие от «лишнего», независимо от своих потенциальных возможностей покорно соглашается с ролью, отведенной ему обществом. Такое впечатление, что «маленькие люди» созданы по единому

образцу. Они придерживаются собственных норм и поведенческих стереотипов, четкое следование которым приносит им внутреннее успокоение (к примеру, Новрузали из рассказа «Почтовый ящик» Дж. Мамедкулизаде или У. Зейнал из одноименного рассказа того же автора).

По мнению обычных людей, иногда какое-то заурядное событие может внести настоящую сумятицу в течение их жизни (нарушение жизненного уклада дяди Мухаммеда Хасана из повести «События в селении Данабаш» Дж. Мамедкулизаде). Если посмотреть на суть вопроса со стороны, то даже повседневные нормы жизни, счастье этих типажей обусловлены незначительными обстоятельствами. Достаточно им немного оступиться или подвергнуться незначительному воздействию со стороны, как жизнь их превращается в ад. Они мгновенно теряют присутствие духа и не находят выхода из положения, в котором внезапно оказались (Пирверди из рассказа «Петух Пирверди»). Что же касается «лишнего человека», то он никогда не примиряется с обстоятельствами. Он выражает недовольство существующими нормами бытия, старается отдалиться от надоевшей ему среды обитания и желает продолжить жизнь в совершенно иной духовно-нравственной обстановке.

В определенных случаях под воздействием пессимистического мироощущения этот человек духовно отгораживается от окружающих людей, строит для себя иллюзорный мир. Если «маленький человек» однотипен, и характер его достаточно упрощен, то упоминая «лишнего» человека, следует отметить его более сложную психологическую суть. Двойственность упомянутого лица обусловлена конфликтом между его самосознанием и социальными условиями среды, в которой он обитает. «Лишний человек» ощущает свою ненужность и находится в сложных отношениях с окружающими его людьми.

Характеристика героев в русской литературе XIX века. В исследованиях о литературном творчестве представителей критического реализма XIX – XX веков достаточно подробно рассмотрены и вышеуказанные типы героев. Следует отметить, что иногда нечетко различаются сугубо типические черты персонажей, вследствие чего возникает определенная путаница. К примеру, герой, по своим качественным параметрам относящийся к «маленьким людям», ошибочно рассматривается как «лишний человек». То же самое происходит и в обратном порядке. Чтобы установить близость в характерах типажей или предотвратить их механическое смешение, а также проследить общий процесс зарождения и развития

литературных героев, отличающихся схожестью черт, необходимо провести типологическое сопоставление.

Достаточно емкое научное определение «маленькому человеку» наведено в таком отрывке: «...мал этот человек именно в социальном плане, поскольку занимает одну из нижних ступенек иерархической лестницы. Его место в обществе мало или вовсе незаметно. Человек считается «маленьким» еще и потому, что мир его духовной жизни и притязаний также до крайности узок, обеднен, наполнен всевозможными запретами. Для него не существует исторических и философских проблем. Он пребывает в узком и замкнутом круге своих жизненных интересов» (Шурупова, 2014: 120). «Маленький человек» действительно влачит жалкое существование в «подвале» иерархической лестницы. Однако поскольку «маленькие люди» могут быть причислены к разным слоям общества, то сфера их социального действия заметно расширяется.

Становление образов «маленького человека» и «лишнего» человека в качестве типажа может считаться приобретением мировой сокровищницы словесного искусства посредством русской литературы. Впервые они были созданы А.С. Пушкиным в его богатой галерее образов. Справедливости ради надо указать и на то обстоятельство, что и героя комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкого (Грибоедов, 2015) также причисляют к «лишним людям». Однако именно Пушкин в дальнейшем в своем романе «Евгений Онегин» закрепил характерные черты этого героя. Если одноименный герой «Евгения Онегина» (Пушкин, 2011) определенно является «лишним человеком», то следует отметить, что многие исследователи русской литературы называли первым совершенным образом «маленького человека» Самсона Вырина из повести «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, входящей в цикл «Повести Белкина».

Чуть позже герой повести Н.В. Гоголя «Шинель» Акакий Акакиевич и Беликов из рассказа «Человек в футляре» А.П. Чехова уверенно продолжили эту «миссию». В дальнейшем подобные персонажи вошли в когорту ведущих типов, созданных писателями-классиками.

В повести «Станционный смотритель» Пушкина образ «маленького человека» раскрыт во всех чертах, что позволило этому типуажу прочно утвердиться в литературе. Герой произведения вобрал в себя все основные черты такого человека, став, пожалуй, образцом для других литераторов.

Как уже было сказано, вторым после пушкинского героя удачным образом «маленького человека» в русской литературе можно считать персонаж из «Шинели» Гоголя. Этот герой, будучи продолжателем наследия Самсона Вырина, представляет особый интерес в контексте развития и самоутверждения образа «маленького человека» (Гоголь, 1994). Описывая незначительное событие из жизни своего героя, Гоголь делится размышлениями о его жизни, смерти и даже потустороннем существовании.

Этот человек, к которому окружающие относятся пренебрежительно, через смысл своего существования, место, занимаемое в обществе, отношение к нему других людей проливает свет как на особенности среды своего обитания, так и на чисто человеческие нюансы в отношениях между людьми. Это обстоятельство позволяет герою Гоголя стать одним из самых запоминающихся образов в мировой литературе.

Самсон Вырин А.С. Пушкина, не сумев пережить потерю самого драгоценного для него существа – дочери, умирает. Акакий Акакиевич, оставшись без шинели, испытывает ту же судьбу. На первый взгляд, рассказ производит трагикомическое впечатление, ибо возведение факта исчезновения шинели в трагедию может вызвать смех. Однако гений Гоголя заключается в том, что ему своим писательским мастерством удалось заставить читателя поверить в муки, испытываемые Акакием Акакиевичем, проникнуться его чувствами. «Н. Гоголь в «Шинели» предпринял попытку раскрыть внутренний мир «маленького человека» (Имамалиева, 2015: 167). Автору это удалось, и энергия, излучаемая героем произведения, вызывает у читателя соответствующие чувства.

Одним из писателей, которому удалось превратить образ «маленького человека» в литературного героя и закрепить его место в истории литературы, является А.П. Чехов. Его «маленьких людей» можно разделить на две категории. В первую категорию входят чистосердечные люди, страдальцы, наподобие тех, чьи образы представлены в творчестве Пушкина и Гоголя. Другую же категорию формируют «маленькие люди» с новыми, иными чертами. Будучи людьми «маленькими», они своим поведением воздействуют на эмоции окружающих, привлекают их внимание аномальными действиями и отношением к другим членам общества.

Они могут раздражать человека, поскольку не являются людьми «чистосердечными» или «страдальцами». Такие люди вызывают смех и чувство брезгливости. Но если они вдруг исчезнут, растворятся в небытии, то общество не почувствует их

отсутствие. Пожалуй, это единственное обстоятельство, которое роднит их с теми героями Пушкина, Гоголя и Чехова, которые относятся к первому типу «маленького человека». Более того, их исчезновение будет воспринято обществом с чувством облегчения, как в рассказе «Человек в футляре», когда коллеги учителя Беликова возвращаются с его похорон с чувством удовлетворенности (v, 1957).

И смерть Червякова из рассказа «Смерть чиновника» не вызывает особого сочувствия. Наоборот эта кончина освобождает его и генерала, на которого он по неосторожности своей чихнул, от лишней траты нервной энергии. В рассказе «Унтер Пришибеев» после ареста главного героя жители села с облегчением вздыхают, так как он перестает их беспричинно преследовать. Конечно же, этот список можно продолжить.

Наблюдая за действиями таких героев, невольно зарождается мысль о том, что при желании они могли бы вести тихую, скромную жизнь. Но, имея привычку делать из мухи слона и тем самым «громко» заявляя о себе, эти люди приносят страдания и в свою жизнь, и в жизнь окружающих. Создается впечатление, что у них есть какие-то психологические проблемы (Чехов, 1983).

Это также обнаруживается в их своеобразной реакции на окружающую действительность, в поведенческих стереотипах, которые отличаются от действий людей. Р. Кулиева, подметившая в творчестве Чехова эту характерную особенность, пишет: «Объективная действительность и индивидуальное сознание, «внутренние» и «внешние» факторы проявляют себя в творчестве Чехова как монолитная конструкция» (Гулиева, 2009: 7). Напряжение, возникающее от противостояния этих факторов, иной раз формирует образ человека, подверженного глубоким психологическим проблемам. Герои такого типа отражают нечто среднее между «маленьким» и «лишним» человеком.

В этом смысле образ станционного смотрителя может быть воспринят как образец, соответствующий указанным параметрам. Велика роль Гоголя и Чехова в доведении этого типа до нужных «кондиций». М. Эпштейн, проделавший солидную работу для теоретического обоснования типажа «маленького человека» в русском литературоведении, также уделяет большое внимание соответствующим произведениям и героям указанных писателей (Эпштейн, 2005).

Об образе «лишнего» человека в творчестве Мирзы Джалила. Дж. Мамедкулизаде, которого считают основателем критического реализма в азербайджанской литературе, также создал первые «образы» «маленького» и «лишнего» людей.

Подчеркивается, что «вызывающая интерес типология закономерно проявляет себя и в нашей литературе. Современный положительный герой отечественной литературы критического реализма в его начальной фазе формируется как герой ординарный, а затем из прозы перебирается в поэзию, творчество Сабира.

Мирза Джалил как будто заменяет реалистическое зеркало прозы стеклом увеличительным. Здесь уже явственно проступают все черты обыкновенного, мелкого, маленького. Писателя интересует не образ какого-либо мудрого философа или идеального героя, а судьба, эмоции, размышления выходцев из народных низов таких как Кебле Маммедали, Мешеди Гуламгусейн, дядя Мухаммедгасан. Ибо ближайшее будущее связано именно с этими обычными людьми. Эти люди в скором времени станут участниками рабочего движения, пламенными борцами за свободу. Колесо истории уже не может вращаться без участия обычного человека (Гараев, 1980: 177).

Создавая образы простого крестьянина, мастера, бакалейщика и других представителей народа, он постепенно вводил «маленьких людей» в азербайджанскую литературу. Герои, созданные его пером, как и «маленькие люди» из русской литературы отражали образы граждан, не имеющих никакого представления о своих потенциальных возможностях, не способных занять достойное место в обществе. Они могут находить отдушину в мелочах. Но иногда раздувают что-либо несущественное до грандиозных масштабов и запутываются в проблемах не столь уж сложных, что превращает их жизнь в трагедию.

Авторитетный специалист в области изучения реализма Яшар Караев отмечал, что «в конце XIX – в начале XX веков основу концепции героя и характера в азербайджанской литературе критического реализма составляли характерные персонажи – «маленькие люди». Толкование характерных особенностей этих образов более всего помогает раскрытию специфических свойств отечественного критического реализма» (Гараев, 1980: 161). В целом исследователи отдавали предпочтение анализу отличительных черт именно «маленького человека», не заостряя внимание на специфике «лишнего» человека.

Вместе с тем литературно-художественная действительность позволяет утверждать, что с функциональной точки зрения «одним из самых характерных образов» наряду с «маленьким человеком» можно считать и человека «лишнего». При анализе этих типов выясняется, что «маленький человек» по сравнению с «лишним» имеет более

простую структуру. Поэтому не представляет особого труда определить его место в литературе и привлечь к соответствующему анализу.

В азербайджанской литературе как и в русской замечены в основном два типа «маленького человека»: а) страдальцы, чистосердечные люди; б) люди невежественные, которые привыкли делать из мухи слона. Они отличаются мелочным характером, что создает проблемы и им самим, и другим.

Среда, которую описывал Дж. Мамедкулизаде, изобиловала страдальцами и теми, кто потерял свои права под воздействием определенного общественного порядка. Если в русской литературе «маленький человек» становился просто героем произведения, то в сочинениях Дж. Мамедкулизаде он превращался в основу целого мира образов. Так, в одном его рассказе можно увидеть ни один образ «маленького человека». Помимо того, здесь легко обнаружить и женские образы, представленные в качестве «маленького человека».

Если некоторые из них не могут смириться со своим бедственным положением и прибегают к протесту, то другие не придают значения попранию их законных прав, продолжают влачить жалкое существование в орбите мелких желаний и ежедневных забот. Такие литературные герои широко представлены в творчестве Дж. Мамедкулизаде, Ю.В. Чеменземинли, М.А. Сабира, А. Назми, А. Гамкусара и других.

Литературоведы, затрагивая тему проблем, связанных с «маленьким человеком», прежде всего заостряют внимание на образах дяди Мухаммедгасана и Новрузали. По существу эти герои представляют собой модель для создания других образов с подобными характеристиками. Несмотря на богатую палитру персонажей Дж. Мамедкулизаде, у каждого из этих «маленьких людей» в той или иной степени заметны определенные черты, присущие дяде Мухаммедгасану и Новрузали.

В повести «События в селении Данабаш» основным образом, имеющим прямое отношение к «маленькому человеку», является дядя Мухаммедгасан. Но было бы вполне логично поставить в один литературный ряд с ним и его бездельничающих соседей, приседающих на корточки, чтобы выкурить трубку. Дело в том, что все эти люди очень похожи друг на друга. Автор, описывая образ одного из них, дяди Мухаммедгасана, создает общее впечатление об их желаниях и чаяниях, о положении в обществе. «Бедность – не помеха, дядя Мухаммедгасан очень хороший человек...» (Мамедкулизаде Дж., 2004: 46), «Дядя Мухаммедгасан в исключительной степени скромный и непритязательный...» (Мамедкулизаде Дж., 2004: 46), «Единственное

богатство дяди Мухаммедгасана – осёл...» (Мамедкулизаде Дж., 2004: 50).

Приведенные примеры вносят определенную ясность в характеристику этого образа. Из содержания произведения становится ясно, что дядя Мухаммедгасан – всего лишь рядовой крестьянин. Более всего на свете он желает посетить святыню мусульман Кербелу. И животное было куплено им именно с этой целью. Пропажа длинноухого перечеркивает все его мечты и надежды. К сожалению, этот страдающий человек не имеет другого плана действий, не обладает какими-либо целями и «запасными» возможностями, чтобы достичь своей заветной мечты. И совершенно очевидно, что его мечта не в силах нанести вред кому-либо. Все перечисленное позволяет отнести этот персонаж к когорте чистосердечных представителей из серии «маленький человек».

Новрузали из другого рассказа Дж. Мамедкулизаде также является человеком, который и мухи не обидит. Это типичный «маленький человек» без особых устремлений, который к тому же не в состоянии разобраться в том, что происходит вокруг него. Жизненные обстоятельства ввергли его в пучину невежества, заключили в «темницу», которая полностью перекрыла ему путь к какой-либо информации. Такие люди отличаются специфическим отношением к жизни. Они находятся в плену верований, насильно вбитых им в голову, обладают весьма ограниченным мировоззрением, поэтому мыслят и могут действовать только в рамках определенных схем.

В рассказе «Уста Зейнал» автор предаст гласности жизненные принципы своего героя его же устами, чем проясняет истоки невежества подобных людей. Один из персонажей рассказа так отзывается об Уста Зейнале: «Уста Зейнал набожен. Он действительно раб божий, имеет представление о чести, отличается постоянством, к тому же способен работать. Отличается проворностью, умом, исключительной верностью. И до сих пор ни разу не пытался увильнуть от намаза (молебна) (Мамедкулизаде, 2004: 150).

Уста Зейнал хоть и молится в соответствии с религиозными предписаниями, тем не менее, не очень-то соблюдает данные другим людям обещания. С религиозной точки зрения он должен отдавать себе отчет в том, что нехорошо нарушать обещания и портить продукты, за которые люди платят деньги. Так, за время его пространственных речей гажа для штукатурки в лохани несколько раз затвердевает. К тому же, в ней он гасит окурки от сигарет. В этом случае повинна не религия, во власти которой Уста Зейнал находится. Вся беда в том, что между его религиозностью и действиями зияет пустота.

Герой рассказа «Петух Пирверди» дядя Гасым является простым крестьянином, погрязшим в мелких жизненных суетах. В начале рассказа он представлен как помощник жены, оказывающий ей поддержку в бытовых делах. Но как-то раз он по поручению супруги отправляется по делам в соседнюю деревню. Здесь дядя Гасым по наущению муллы заключает временный брак с другой женщиной и возвращается в родное село. В описанном случае нарушается принцип чистосердечности и готовности к страданиям, присущие «маленькому человеку».

Стоит мулле описать привлекательность ног Пернисы, как дядя Гасым загорается желанием вступить с ней во временные интимные отношения. Если это желание проистекает от невежества этого человека, то связано оно и с его безответственностью, скорее даже со сластолюбием. Вследствие подобного соблазна в семье дяди Гасыма и в его личной жизни возникают серьезные проблемы, которые выливаются в продолжительные ссоры.

Другим рассказом Дж. Мамедкулизаде, где изображены герои, то есть «маленькие» люди, которые абсолютно бесполезны обществу, к тому же привыкли возводить в ранг трагедии незначительные события из своей жизни, является рассказ «Беспокойство». Персонажи этого произведения съехались в Тифлис из разных уголков Азербайджана. Поселившись на ночь в гостинице, они готовы часами вести разговор о собственных мелких неурядицах, которые, по их мнению, стали серьезной проблемой в их жизни. Они поочередно вспоминают события из прошлого, вызывающие у них беспокойство, тревогу и заостряют на них внимание. Из последней фразы рассказа, оброненной автором, становится ясно, что он также обеспокоен и это связано с никчемностью людей, ведущих подобные беседы: «Действительно, нет в мире ничего хуже беспокойства», – провозглашает писатель (Мамедкулизаде, 2004: 78).

В творчестве Дж. Мамедкулизаде можно столкнуться и с коллективными образами «маленьких людей». Писатель часто прибегает к описанию таких образов. С этой точки зрения любопытен его рассказ «Гурбанали бек». Здесь крестьяне собираются у окна пристава, в гости к которому приехал начальник, подбрасывают вверх папахи с криками «Ура!», а затем пускаются в коллективный пляс «Яллы». Эту сцену можно считать образцом коллективного представления читателю «маленьких людей». Таким образом в творчестве писателя проблема героя предстает в новом измерении. Т. Маммад считает, что «героем этих сочинений является масса, а предмет их состоит из

превращений, которым она (масса) подвергается» (Мамед, 1999: 133). Это заключение может быть отнесено как к прозе, так и драматургии писателя.

Не только в творчестве Дж. Мамедкулизаде, но и вообще в азербайджанской литературе того периода создана целая плеяда образов «маленьких людей». Есть представители этих образов и в произведениях, созданных в более поздний период, что может стать темой отдельного исследования.

В отличие от «маленького человека», «лишний» человек отдает себе отчет касательно собственного положения и потенциальных возможностей по жизни. Вместе с тем, будучи порождением определенной среды, он не в состоянии реализовать свой потенциал из-за условий, которые эта среда «диктует». «Маленький человек» в простодушной форме вступает в диалог с обществом. Что же касается «лишнего человека», то он все дальше отдалается от общества и находит утешение в пристрастии к чему-либо.

Внутренний, тайный потенциал, сопряженный с перспективой «пробуждения», «воскресения», в нем не обнаруживается. Лишен он также революционной энергии» (Гараев, 1980: 161). Эти утверждения интересны с точки зрения проведения разграничительной черты между «маленьким» и «лишним» человеком.

Вместе с тем выявленные при этом отличия сами по себе сомнительны и противоречивы. Вроде бы «лишний человек» превосходит человека «маленького». При этом автор, награждая его эпитетом «ничто», называя «вчерашним днем без надежд, без веры в день завтрашний», «лишенным будущего», проявляет некоторые сомнения. В чем же состоит превосходство «лишнего человека»? Я. Караев не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос. Дж. Мамедкулизаде в определенных случаях добивался в своих сочинениях художественной неопределенности в отношении будущего «лишнего человека», оставляя тем самым небольшой «зазор», позволяющий надеяться на его пробуждение. Так, у Искандера из пьесы «Мертвецы» и Муллы Аббаса из «Сборища сумасшедших» все еще сохраняется шанс на «пробуждение», «воскресение». В целом Я. Гараев в значительной степени завышает роль «маленького человека» и занижает роль человека «лишнего».

Выводы. В заключение хочется отметить, что критический реализм, ставший одним из основных направлений в литературе XX столетия, не может быть привлечен к полновесному исследованию без должного внимания к образам «лишнего» и «маленького» человека, к проблеме их своеобразия, связанного с конкретным литературно-историческим контекстом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грибоедов А. С. *Горе от ума*. М. : Олма Медиа Групп, 2015. 160 с.
2. Никольский Е. В. Ещё раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе // *ART LOGOS*, 2017, № 1/1, с. 7–22.
3. «Лишний человек» // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 4 // URL: feb-web.ru (дата обращения: 13.02.2020).
4. Шурупова О. С. Образ «маленького человека» в петербургском и лондонском текстах // *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2014, № 4(57), с. 120–123.
5. Пушкин А. С. *Евгений Онегин*. М. : Издательский Дом Мещерякова, 2011. 184 с.
6. Эпштейн М. Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // *Вопросы литературы*, 2005. № 6, с. 193–203.
7. Имамалиева Л. *Жанр рассказа в русской и азербайджанской литературе (конец XIX – начало XX веков)*. Баку : «Мутарджим», 2015.
8. Гараев Я. *Реализм: искусство и истина*. Баку : «Элм». 1980.
9. Гулиева Р. «Наш современник Чехов». // *Чехов А. П. Избранные сочинения*. Баку : «Шарг-Гарб», 2009. Предисловие к книге, с. 5–9.
10. Мамедкулизаде Дж. *Сочинения в 4-х томах, том первый*. Баку : «Ондер», 2004.
11. Мамед Т. *Поэтика азербайджанской драматургии XX века*. Баку : «Элм», 1999.
12. Гоголь Н. *Шинель*. // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. М. : Русская книга, 1994.
13. Чехов А. П. *Человек в футляре*. М. : Изд. детской литературы, 1957. 32 с.
14. Чехов А. П. *Смерть чиновника* // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. М. : Наука, 1983. Т. 2, С. 505–507.

REFERENCES

1. Griboedov A. S. *Gore ot uma* [*Woe from the mind*]. M. : Olma Media Grupp, 2015. 160 s. [in Russian].
2. Nikolskij E. V. Eshyo raz o probleme «lishnego cheloveka» v russkoj klassicheskoj literature // *ART LOGOS* [*Once again about the problem of the “extra man” in Russian classical literature* // *ART LOGOS*], 2017, № 1/1, s. 7–22 [in Russian].
3. “Lishnij chelovek” // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* [*Brief literary encyclopedia*]. T. 4 // URL: feb-web.ru (Date of treatment: 02/13/20) [in Russian].
4. Shurupova O. S. Obraz “malenkogo cheloveka” v peterburgskom i londonskom tekstah // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [*The image of the “little man” in St. Petersburg and London texts* // *Bulletin of the Cherepovets State University*] 2014, № 4 (57), s. 120–123 [in Russian].
5. Pushkin A. S. Evgenij Onegin [*Eugene Onegin*]. M. : Izdatelskij Dom Mesheryakova, 2011. 184 s. [in Russian].
6. Epshtejn M. N. Malenkij chelovek v futlyare: sindrom Bashmachkina-Belikova // “Voprosy literature” [*A small man in a case: Bashmachkin-Belikov syndrome* // “*Literature Issues*”]. 2005. № 6, s. 193–203 [in Russian].
7. Imamaliev L. Zhanr rasskaza v russkoj i azerbajdzhanskoj literature (konec XIX – nachalo HH vekov). [*Genre of the story in Russian and Azerbaijani literature (late XIX – early XX centuries)*]. Baku : “Mutardzhim”, 2015 [in Russian].
8. Garaev Ya. Realizm: iskusstvo i istina [*Realism: art and truth*]. Baku : “Elm”. 1980 [in Russian].
9. Gulieva R. “Nash sovremennik Chehov”. Chehov A. P. Izbrannye sochineniya [“Our contemporary Chekhov”. *Chekhov A.P. Selected Works*]. Baku : “Sharg-Garb”, 2009, predislovie k knige, s. 5–9 [in Russian].
10. Mamedkulizade Dzh. Sochineniya [*Compositions*], v 4-h tomah, tom pervyj. Baku : “Onder”, 2004 [in Russian].
11. Mamed T. Poetika azerbajdzhanskoj dramaturgii HH veka [*Poetics of Azerbaijani dramatic art of the twentieth century*]. Baku : “Elm”, 1999 [in Russian].
12. Gogol N. Shinel. // N. V. Gogol. Sbranie sochinenij v devyati tomah. T. 3. [*N. V. Gogol. Collected works in nine volumes. T. 3.*]. M. : Russkaya kniga, 1994 [in Russian].
13. Chehov A. P. Chelovek v futlyare [*The man in the case*]. M. : Izd. detskoj literatury, 1957. 32 s. [in Russian].
14. Smert chinovnika // A. P. Chehov. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v tridcati tomah. Sochineniya v vosemnadcati tomah [*A. P. Chekhov. Complete works and letters in thirty volumes. Works in 18 volumes*]. M. : Nauka, 1983. T. 2, s. 505–507 [in Russian].